А. В. Смолин

СЛУЖБА В ФИНЛЯНДИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ РУССКОГО ОФИЦЕРА

Воспоминания полковника Дмитрия Леонидовича Казанцева о службе в Финляндии в годы Первой мировой войны и революции интересны для историка тем, что они рассказывают о таких далеко не достаточно исследованных вопросах, как антирусская деятельность активистов, во время войны, германский шпионаж в Финляндии и борьбе с этими явлениями русской контрразведки, военной цензуры, пограничной охраны[1].

Вступительная статья, примечания и комментарии, написанные А. И. Рупасовым, не дают полного представления о рукописи и её авторе. И это не праздный вопрос. Ответ на него позволяет оценить ценность опубликованных мемуаров. Прежде всего, хотелось бы получить более подробные сведения о подлиннике. Правда на оборотной стороне титульного листа книги сказано, что воспоминания публикуются по рукописи, но что она собой представляет? Однако об этом ничего не говорится. Вместе с тем, хотелось бы знать, археографические особенности неопубликованного текста. Как он попал в ГАРФ. Если воспоминания Д. Л. Казанцева ранее хранились в Русском заграничном историческом архиве (РЗИА), то, как правило, передача материалов сопровождалась сопроводительным письмом и даже перепиской между автором и архивом об условиях передачи рукописи.

Возможную причину появления воспоминаний Д. Л. Казанцева А. И. Рупасов объясняет общественно-политической обстановкой сложившейся в Финляндии в начале 1930-х годов, которая напоминала автору события 1917 г. Возможно, что это и так[2]. Однако может быть и другая

[1]*Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914 – 1917, вступ. ст. и примеч. А. И. Рупасова. М.: Кучково поле, 2016. – 320 с. (Живая история). ISBN 978-5-9950-0490-5

[2]Там же. С. 25.

© Смолин А. В., 2016

трактовка. Тридцатые годы, это время мирового экономического кризиса, и чтобы поправить материальное положение часть эмигрантов писала воспоминания, чтобы опубликовать или продать в РЗИА или другие архивы. Поэтому знать причину появления мемуаров Д. Л. Казанцева необходимо для их более глубокого понимания. Тем более автор пишет, что «в полном размере они ещё не созрели для печати».[3] Таким образом, он даёт понять читателю, что ещё не настало время говорить обо всём.

Много тумана и недосказанностей и в биографии Д. Л. Казанцева, а её знание может прояснить вопрос о том, в чём автор участвовал сам, что писал по документам и рассказам очевидцев. На титульном листе и на первой странице вступительной статьи говорится, что Казанцев являлся полковником. Несложные подсчёты показывают, что он родился в 1883 г. В 1909, он подпоручик, а в 1910 г. поручик 4-го стрелкового Финляндского полка. В это время ему 27 лет. В 1917 г. в возрасте 34 лет, он уже полковник. Таким образом, не участвуя в боевых действиях, через семь лет он получает такое высокое звание. Встаёт закономерный вопрос, что и на каком поприще он совершил, чтобы стать полковником.

О своей служебной деятельности Казанцев пишет весьма туманно. Одно время он состоял воинским начальником, но поскольку набор финнов в армию прекратился, то его деятельность свелась к наблюдению за приезжавшими в Финляндию иностранцами[4]. Автор глухо сообщает о своих частых заграничных командировках, очередная из которых не состоялась из-за революции[5] Во время войны автор проверял возвращавшихся из германского плена инвалидов на предмет их принадлежности к немецким спецслужбам.[6] В одном из приводимых автором эпизодов он рассказывает о поездке офицера штаба войск в Финляндии на остров Лонгхольм для проверки сведений о работе на нём вражеских агентов. Подробности, с которыми описана эта поездка, говорят за то, что это был скорее всего автор воспоминаний[7]. Казанцев также сообщает, что утром 27 февраля 1917 г. по делам службы находился в штабе командующего флотом и разговаривал там с начальником Оперативной канцелярии (разведка флота) подполковником Нордманом А. Н., которому он подчи-

[3]Там же. С. 229.
[4]Там же. С. 234.
[5]Там же. С. 151.
[6]Там же. С. 217.
[7]Там же. С. 238 – 241.

нялся.[8] Если Казанцев в это время имел звание полковника, и находился в подчинении младшего по званию, то это выглядит несколько странно. Правда, здесь надо учитывать, что звание не всегда соответствовало занимаемой должности и наоборот. Казанцев сообщает также о некоем офицере, который явился в штаб флота в 3 часа ночи с предложением подавить начавшееся восстание. Обстановка увиденная им в штабе и разговор с командующим флотом, говорят за то, что это был автор воспоминаний[9]. Последнее место службы Казанцева это штаб 42-го армейского корпуса в Выборге, но это, как он пишет, был вынужденный перевод после февральских событий.[10] Приведённые данные говорят о том, что Казанцев скрывает место своей службы и должности, которые он исполнял. Поскольку большая часть воспоминаний посвящена деятельности контрразведки, жандармскому управлению и военно-цензурному комитету, то, скорее всего автор воспоминаний служил в одном из этих учреждений. Вызывает определённые сомнения и звание полковника, в котором он пребывал.

Мемуары Д. Л. Казанцева состоят из семи глав. Следует отметить, что написание шести из них закончено 18 августа 1931 г., а седьмой 14 октября того же года. Возможно, что автор хотел закончить воспоминания, написав шесть глав, но затем решил добавить главу 7-ю «Отрывки касательно организации разведки и контрразведки в Финляндии» поскольку эта деятельность составляла суть его службы.

Воспоминания Д. Л. Казанцева основательно документированы. Наиболее важные положения записок он старается подтверждать документами. К тому же в приложении дано «Временное положение о военной цензуре». В целом документы составляют примерно 25% от объёма текста собственно мемуаров. Это свидетельствует о том, что в распоряжении автора имелись некоторые документы. Скорее всего, это его личный архив. Казанцев также пользовался мемуарами Г. К. Графа «На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию» (Мюнхен, 1922). Так, он полемизирует с Графом по поводу изложения восстания в Гельсингфорсе 3 – 4-го марта 1917 г. Сообщая о речи командира «Андрея Первозванного» капитана 1-го ранга Г. О. Гадда, произнесённой перед командой линкора, Казанцев писал: «Речь эта у меня записана от слова до слова, но она не имеет для читателя никакого значения уже потому, что сделала своё дело. Скажу только, что она мало похожа на ту, которую

[8]Там же. С.54, 236.

[9]Там же. С. 86 – 87.

[10]Там же. С. 151.

привёл в своей книге «На Новике» Граф[11]. По-видимому, Казанцев вёл дневник, либо делал записи в записных книжках. Следует отметить, что документы которые приводит автор касались пограничного контроля, цензуры, правил поведения в военное время, а также документы входящие и исходящие из штаба флота в феврале – марте 1917 г. Казанцев пересказывает также план действий, якобы выработанный германскими эмиссарами в Гельсингфорсе 2 марта 1917 г. (автор сопровождает его словами: «заключавшийся в общем в следующем»).[12] Казанцев приводит также список убитых во время восстания в Гельсингфорсе и похороненных на разных кладбищах города и ряд других документов.

Основное содержание мемуаров посвящено борьбе с активистами и егерским движением, главы 1-я и 4-я. О революционных событиях в Гельсингфорсе и Выборге в феврале – марте и августе – сентябре (Корниловский мятеж) 1917 г. рассказано в главах 2-й и 3-й. 6-я и 7-я главы информируют читателя о деятельности военной цензуры, разведки и контрразведки. Пожалуй, что ни в каких других воспоминаниях, с такой полнотой не говорилось о работе этих учреждений в Финляндии. Конечно, бросается в глаза, что пишет человек, хорошо осведомлённый в их деятельности. Автор рассказывает о технических приёмах вскрытия и чтения военной цензурой почтовой переписки, о разгроме этапов по которым переправлялись активисты и немецкие шпионы о ликвидации немецких радиостанций, о методах борьбы со шпионажем, называет имена активистов, немецких шпионов, резидентов германской разведки в Швеции, о посылке русских разведчиков и т.д. Интересны сведения о доставке оружия в Финляндию, для активистов, и рассказ о начальном этапе подготовки Щюцкора, о способах переправки германскими агентами материалов за границу. Надо отдать должное Казанцеву, который говорит и о недостатках, которые имелись в деятельности российских спецслужб в Финляндии В частности об их плохой подготовленности к войне. Он называет такие пороки, как беспечность в охране границы, небрежность в хранении секретных документов, болтливость, провалы русской разведки И только в ходе войны, часть недостатков удалось исправить, но далеко не все.

В целом следует сказать, что мемуары Д. Л. Казанцева дополняют наши знания по активистскому движению, деятельности русской контрразведки и военной и политической цензуры в Финляндии.

[11]Там же. С. 70 , 65 – 66.

[12]Там же. С. 62 – 63.

Сведения об авторе рецензии

Смолин Анатолий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: a.smolin@spbu.ru; smolin1947@yandex.ru

Information about the author of review

Smolin Anatoliy Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: a.smolin@spbu.ru; smolin1947@yandex.ru